

На правах рукописи

Бахтиев Рустем Флусович

**ШЕДЖЕРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР
(ПО СПИСКУ Н.Ф. КАТАНОВА)
КАК ЯЗЫКОВОЙ ИСТОЧНИК**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2013

Работа выполнена на кафедре истории татарского языка
и тюркского языкознания Института филологии и искусств
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: **Юсупов Феритс Юсупович,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Насипов Илшат Сахиятуллович,**
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой татарского языка и
литературы ФГБОУ ВПО «Башкирский госу-
дарственный педагогический университет
им. М. Акмуллы» (г. Уфа)

Закиров Раиф Амирьянович,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка и
литературы ФГБОУ ВПО «Набережно
челнинский институт социально-педаго-
гических технологий и ресурсов»
(г. Набережные Челны)

Ведущая организация: ГУ «Институт языка, литературы и искус-
ства им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан»

Защита состоится «**24**» **декабря 2013 г. в 12.00 часов** на заседании
диссертационного совета Д 212.081.12 при ФГАОУ ВПО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань,
ул. Татарстан, д. 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федераль-
ный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

Электронная версия автореферата размещена на официальном
сайте Казанского (Приволжского) федерального университета:
<http://www.kpfu.ru> и на сайте ВАК МОиН РФ: <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан « ____ » ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А.Ф. Юсупов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В настоящей диссертационной работе исследуются письменные памятники – шеджере сибирских татар, которые впервые были опубликованы Н.Ф. Катановым в 1903–1904 гг. под общим названием «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири»¹, а также другие близкие по содержанию варианты этих документов.

Шеджере сибирских татар по списку Н.Ф. Катанова представляют собой ценный языковой и исторический источник, в первую очередь, по причине того, что они, с точки зрения фонетических, грамматических и лексических особенностей, в силу различных причин, недостаточно исследованы. В связи с этим в данной работе показан опыт системного описания фонетических, морфологических и лексических особенностей языка шеджере татар Западной Сибири и их роль в развитии татарского литературного языка.

Во-вторых, рассматриваемые списки представляют собой исторический документ, повествующий о распространении ислама среди сибирских татар. Как известно, от решения вопросов, связанных с периодами функционирования ислама в Западной Сибири, зависят перспективы дальнейшего изучения не только истории, но и языка сибирских татар.

В-третьих, изучение грамматики родословных записей с учетом стилистических особенностей и традиций шеджере татар Западной Сибири, тесно связанных с общетатарской письменной литературой, с народным устно-поэтическим творчеством, также определяет актуальность исследования.

Степень изученности темы и проблемы. Публикации оригинальных письменных памятников сибирских татар начинаются во второй половине XIX столетия. Этот период характерен заметным повышением интереса к родословным записям среди татар. Сбором генеалогических материалов занимались такие татарские историки как Ш. Марджани, К. Насыри, Х. Амирхан, Р. Фахретдинов. Интерес к шеджере проявляли и крупнейшие тюркологи В.В. Радлов и Н.Ф. Катанов,

¹ Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири / Н.Ф. Катанов // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1903. – С. 135–141. Также: Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского Губернского музея) / Н.Ф. Катанов. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904. – С. 12–28.

усилиями которых в это время публикуются материалы родословных татар Западной Сибири.

На протяжении большей части XX в. исследования языка письменных источников сибирских татар не проводились. Это свидетельствовало о негативном отношении Советского государства к источникам, связанным с мировыми религиями, получившими развитие на территории СССР.

В 70-х годах XX столетия родословные сибирских татар стали объектом изучения казанских археографов М.А. Усманова и Р.А. Шайхиева, которые отметили, что сочинения подобного рода были распространены среди татар Сибири довольно широко². Это было подтверждено в ходе научных экспедиций в Западную Сибирь, когда было найдено множество вариантов рукописных шеджере.

В перестроечное и постперестроечное время начинается новый этап в изучении письменных источников сибирских татар. Интерес к шеджере был обусловлен ростом самосознания татар, поиском своих исторических корней. Исходя из этого, шеджере по списку Н.Ф. Катанова стали рассматриваться сибирскими татарами как исторический документ, рассказывающий об их исламизации в 1394 г. Они содержали огромный пласт исторического ономастикона. Интерес к истории ислама в Западной Сибири, к личностям, участвовавшим в этом процессе, к языку шеджере стал результатом публикаций множества статей, книг и монографий. Среди них можно отметить работы И.В. Белича, И.Г. Селезнева, В.Ю. Софронова, Н.А. Томилова, А.П. Яркова, Ф.Т. Валеева, Х.Ч. Алишиной, Д.М. Исхакова, И.Б. Гарифуллина, М.И. Ахметзянова, Р.Х. Рахимова, А.К. Бустанова, Ф.Ю. Юсупова и др.

Изучение ономастикона «катановских» шеджере позволило установить, что местные топонимы списков имеют сибирско-татарский, обско-угорский и самодийский субстрат. А антропонимикон шеджере, в основном, восходит к арабско-персидским корням³. Большое количество заимствованных антропонимов родословных, по мнению Ф.Ю. Юсу-

² Усманов М.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири. // Сибирская археография и источниковедение / М.А. Усманов, Р.А. Шайхиев. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 85–103.

³ Алишина Х.Ч. Ономастикон Сибирских татар (на материале Тюменской области): Монография: В 2-х частях. Часть 1 / Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос ун-та, 1999. – С. 19–33.

пова, свидетельствует об исламизации сибирских татар раньше указанного в «катановских» шеджере периода⁴.

М.И. Ахметзянов во вступительной статье к публикациям новых версий сибирско-татарских родословных, найденных в 2008 г. Р.Х. Рахимовым, приходит к выводу, что данные списки вносят ясность в лексические, морфологические и фонетические неточности «катановских» вариантов родословных, а также показывают в них обновление некоторых древних графем⁵.

В исследовании «Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального» (2009) под редакцией А.Г. Селезнева, язык «катановских» родословных обозначен как «сибирско-татарский диалект», написанный арабской графикой, почерком насх⁶. Здесь же проведено исследование по археографии списков, дан анализ историко-мифологических образов и известных исторических личностей, упомянутых в шеджере. В исследовании приводится сравнительная таблица трех документов на основе «катановских» родословных и выявляются их сходства, различия и возможный протограф.

Изучение татарских родословных стало еще более возможным после публикации в 2012 г. М.И. Ахметзяновым сборника «Татар шәжәрәләре» («Татарские шеджере»). В I том книги вошли более 130 татарских генеалогических списков, в том числе документы, опубликованные Н.Ф. Катановым. Язык исследуемых списков автор оценивает как литературный татарский XIX столетия с некоторыми фонетическими особенностями сибирско-татарского диалекта⁷.

Объектом исследования в данной работе является язык шеджере сибирских татар (по списку Н.Ф. Катанова).

Предмет исследования представляют графо-фонетика, морфология и лексика «катановских» родословных.

Целью данного исследования является изучение истории распространения ислама в Западной Сибири и особенности функционирования татарского языка в регионе в XVIII–XIX столетиях на примере шеджере

⁴ Юсупов Ф.Ю. Родословная как источник изучения антропониимики сибирских татар / Ф.Ю. Юсупов // Материалы XII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». – Казань: Отечество, 2010. – С. 233.

⁵ Әхмәтҗәнов М.И. Себер татарлары шәжәрәләренәң яңа табылган текстлары / М.И. Әхмәтҗәнов // Гасырлар авазы (Эхо веков). – Казан, 2010. – № 1. – 119–130 б.

⁶ Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального / Ред. Селезнев А.Г. – М.: Изд. Дом Марджани, 2009. – С. 15, 43.

⁷ Әхмәтҗәнов М.И. Татар шәжәрәләре: 1 т. / М.И. Әхмәтҗәнов. – Казан: Татар. кит. нәшр, 2012. – 291–292 б.

сибирских татар, представляющих собой источник проникновения ислама в Сибирь и получение ценного языкового материала.

Этим определяются основные **задачи** диссертационной работы:

– изучение истории проникновения ислама в Западную Сибирь с начала X по начало XXI столетий;

– исследование языковых особенностей шеджере по изданию Н.Ф. Катанова и другим документам этого периода, охватившим:

а) анализ графических и фонетических особенностей языка шеджере и выявление их своеобразия;

б) исследование грамматики языка шеджере и определение особенностей употребления морфологических форм;

в) анализ лексики родословных, включивший исследование исторической ономастики, а также заимствованной из арабского и персидского языков религиозной лексики;

– составление сводного списка «катановских» шеджере с указанием их сходств и различий.

Научная новизна диссертации обуславливается тем, что в татарском языкознании впервые изучаются языковые документы – шеджере, повествующие о проникновении ислама в Западную Сибирь и раскрывающие особенности функционирования татарского литературного языка XVIII–XIX вв. в Западной Сибири. В диссертации впервые предлагается сводный список сибирских шеджере с их общими и отличительными особенностями на основе документа, опубликованного Н.Ф. Катановым, с учетом появления близких по содержанию других родословных сибирских татар. Кроме этого в исследовании предпринимается попытка показать процесс проникновения ислама в Западную Сибирь не только через Среднюю Азию, осуществленный с помощью военной силы, но и мирную роль поволжских мусульман, в частности, поволжских болгар и казанских татар в этом историческом процессе.

Научно-теоретическая значимость работы определяется тем, что языковой анализ «катановских» шеджере может дать дополнительные материалы, раскрывающие особенности эволюции татарского литературного языка. Далее исследование родословных, составленных на одном из вариантов татарского литературного языка, способно показать развитие, происходившее в фонетической и морфологической системах, в лексической структуре татарского языка XVIII–XIX веков.

Практическая ценность исследования определяется тем, что ее результаты могут быть использованы как при дальнейшем исследовании

истории татарского литературного языка, так и при построении общих и специальных лекционных курсов по истории татарского литературного языка в высших учебных заведениях. Отдельные положения и выводы работы могут быть использованы на практических занятиях по истории татарского литературного языка, в учебных курсах по исторической фонетике и морфологии, исторической ономастики; при написании истории языкознания тюркских народов, учебников, монографий о языковых особенностях шеджере XVIII – начала XX веков. Исследование может внести определенный вклад в изучение истории формирования этнографических культур и процесса взаимодействия культур народов, населяющих Западную Сибирь.

Методология и методика исследования. В соответствии с поставленными задачами основным лингвистическим методом исследования является *сравнительно-исторический*. Он был использован при сопоставлении, обобщении и классификации анализируемого материала. При выявлении общих признаков специфических особенностей татарского литературного и диалектного языков широко применялся и *сравнительно-типологический метод*. По мере необходимости был использован *статистический метод*.

Источниками для написания данной диссертации послужили шеджере сибирских татар, впервые опубликованные Н.Ф. Катановым в 1903–1904 гг. Один список принадлежит Реджебу Аллакулову, второй – Кашшафу Абу-Саидову. Третий список, использованный в данной работе, известен под именем «Карагайская рукопись» или «Шеджере из деревни Карагай». Этот рукописный список был обнаружен в 2004 году экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, под руководством А.Г. Селезнева. В работе применялся его печатный вариант, сделанный А.К. Бустановым. Четвертый и пятый списки, ставшие объектом нашего изучения, были обнаружены в 2008 г. Р.Х. Рахимовым. В диссертации использовались фотокопии данных списков, хранящиеся в АН РТ в отделе рукописей и научном архиве института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова в коллекции № 99 опись 1, ед. хранения 417, а также транскрипции этих документов, опубликованные М.И. Ахметзяновым в журнале «Гасырлар авазы» («Эхо веков»). В работе они обозначены как «Шеджере №99 (а) (Р.Х. Рахимова)» и «Шеджере №99 (б) (Р.Х. Рахимова)».

Теоретической основой исследования явились научно-теоретические труды известных отечественных тюркологов Н.Л. Баскакова,

Н.К. Дмитриева, А.Н. Кононова, Н.З. Гаджиевой, Б.А. Серебренникова, А.М. Щербака, Э.Р. Тенишева, Д.М. Насилова, Э.Н. Наджиба. При рассмотрении общих закономерностей развития татарского литературного языка были использованы труды татарских языковедов Г. Сагди, А. Максуди, Дж. Валиди, Ш.А. Рамазанова, М.З. Закиева, Д.Г. Тумашевой, Ф.М. Хисамовой, В.Х. Хакова, Ф.Ю. Юсупова и др. В процессе раскрытия особенностей соотношения татарского литературного языка с его диалектами были использованы труды Ф.Ю. Юсупова, Л.Т. Махмутовой, Д.Г. Тумашевой. Изучению данной темы способствовали научные работы И.В. Белича, В. Софронова, И.Г. Селезнева, Н.А. Томилова, Д.М. Исхакова, Г.Л. Файзрахманова, И.Б. Гарифуллина, Р.Х. Рахимова, Ф.Т. Валеева, Ф.Ю. Юсупова, затрагивающие историю исламизации Западной Сибири

Положения, выносимые на защиту:

– распространение ислама среди всех групп сибирских татар произошло под влиянием соседних с ними народов: со стороны волжских болгар, казанских татар и через представителей суфийских орденов из стран Средней Азии в период с начала X по XIX столетия, что нашло отражение в языке письменных источников, повествующих об этом процессе;

– графика шеджере сибирских татар характеризуется передачей звуков арабской графикой согласно уйгурской (бухарской) и арабско-персидской (стамбульской) орфографическим школам;

– морфологическая система «катановских» родословных по большей части представлена кипчакскими чертами. Кроме этого в родословных применяются огузские и древнетюркские языковые формы;

– лексика шеджере включает в себя тюрко-татарский и арабско-персидский пласты. Тюрко-татарская лексика отражена в местной ономастике: топонимии, этнонимии и гидронимии. Слова историко-географического характера вне пределов Западной Сибири больше связаны со Средней Азией, Ираном и Турцией. Имена людей, религиозные понятия являются заимствованиями из арабского и персидского языков;

– шеджере написаны на классическом татарском литературном языке XVIII–XIX столетий, являющемся одним из вариантов старотатарского языка с некоторыми региональными языковыми особенностями, с употреблением традиционных общетюркских форм и арабо-персидских заимствований.

Апробация работы. По теме исследования опубликовано 10 работ. Основные итоги изложены в статьях (в том числе 2 статьи в журналах, рекомендованных ВАК) и докладах на научных конференциях, проводимых Казанским (Приволжским) федеральным университетом в 2010–2013 гг.; в международной виртуальной интернет-конференции «В.В. Радлов и духовная культура тюркских народов», посвященной 175-летию со дня рождения академика; в IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Тобольск научный – 2012»; в международной научно-практической студенческой конференции, посвященной памяти профессоров Казанского университета А.М. Насырова и В.В. Клокова «Актуальные проблемы физико-математических и гуманитарных наук» (Зеленодольск, Казань, 2012); в региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов с международным участием, посвященной памяти профессора Казанского университета В. Хакова «Сохранение и развитие родного языка и литературы» (Казань, 2011–2013).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, приложения, библиографии, включающей перечень источников и список использованной научной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, раскрывается актуальность и научная новизна исследования, оценивается состояние разработанности исследуемой проблемы, формулируются гипотеза, объект, предмет изучения, определяются цель и задачи, дается характеристика методов и материала исследования, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы, формулируются теоретические положения, выносимые на защиту, указываются источники исследования, дается общая характеристика структуры работы.

В **первой главе** диссертации рассматриваются шеджере сибирских татар, повествующие о распространении ислама в Западной Сибири в XIV–XVI столетиях. Объектом исследования в этой главе стали опубликованные Н.Ф. Катановым документы, а также схожие с ними по сюжету и композиции другие родословные, обнаруженные на территории проживания татар в Западной Сибири. Процесс исламизации сибирских

татар анализируется в конкретной связи с историческими и регионально-географическими данными.

Проникновение ислама в Западную Сибирь исследуется по четырем этапам. Первый этап исламизации предположительно проходил в период с начала X по начало XIII столетий. В это время возникают мирные этнические и торговые контакты предков сибирских татар, угорских народов с волжскими булгарами в Пермском крае и в Зауралье, что подтверждается археологическими данными. В этот период мусульманское влияние на народы Западной Сибири оказывала и Средняя Азия, представители которой также налаживали торговые и этнические связи с Западной Сибирью. Первый этап исламизации не характеризуется массовым распространением данной религии среди народов Сибири. В это время мусульмане присутствовали больше в небольших городках-факториях, а кочевая среда в основной своей массе придерживалась традиционных верований.

Второй этап распространения ислама в Западной Сибири приходится на время Золотой Орды (XIII–XV вв.), в Шибанидский улус который входил исследуемый регион. В этот период исламизация предков сибирских татар усиливается в годы правления хана Узбека (1312–1342), поднявшего статус ислама до уровня государственной религии Джучиева Улуса. Также в этот исторический отрезок, в конце XIV и начале XVI столетий, Западная Сибирь становится ареной религиозных войн среднеазиатских мусульман с предками сибирских татар, что отражено в родословных записях сибирских татар. Необходимо отметить, что в исторической памяти сибирских татар сведения об их собственной исламизации больше связаны именно с религиозными войнами, которые велись представителями мусульман из Средней Азии. В то же время предания о мирном проникновении ислама со стороны Поволжья или же Средней Азии встречаются не слишком часто.

Третий этап исламизации сибирских татар проходил в период правления хана Кучума (1563–1598), не раз приглашавшего в Сибирский юрт мирные делегации мусульманских проповедников из Бухары и Казани во второй половине XVI столетия. Данные события подтверждаются сибирско-татарскими преданиями, которые имеют параллели с «катыновскими» шеджере. В обоих случаях речь идет об исламизации сибирских татар, прибытии мусульманских шейхов в Западную Сибирь из Средней Азии, участие в этих разновременных событиях одних и тех же лиц, например, шейха Шербети.

Четвертый этап исламизации Западной Сибири осуществлялся после ликвидации Сибирского ханства в конце XVI в. и длился до XX столетия. На начальном этапе этого периода распространение ислама продолжилось через среднеазиатских бухарцев, выполнявших роль посредников в торговых отношениях России со Средней Азией, а также казанских татар, вынужденных бежать в Западную Сибирь по причине падения Казанского ханства (1552) и последующей христианизации Поволжья. В конце XVIII и на протяжении XIX столетий роль поволжских мусульман как проводников ислама возрастает еще больше, что было связано с возникновением Центрального духовного управления мусульман в Уфе (1788) и превращением Казани в центр мусульманского просвещения России. В этот период ислам принимает одна из групп сибирских татар – барабинские татары.

В заключительной части главы дается небольшой анализ развития ислама в Западной Сибири в XX столетии. Советский период был временем полного забвения официальных мусульманских религиозных институтов. Однако в татарских деревнях Западной Сибири ислам не исчезает из жизни людей. Это проявляется в сохранении обрядов имянаречения, женитьбы, похорон, в наличии большого количества рукописных историй, повествующих об исламизации Сибири.

Во второй главе исследования были рассмотрены фонетические особенности родословных. Гласные фонемы шеджере графически выражаются четырьмя знаками арабской графики ا (алиф), ه (хай расмия), و (waw), ي (йай) и их комбинациями и передают девять гласных звуков: [a] – [ä], [o] – [ö], [u] – [ü], [y] – [e / j], [i].

Функциональные особенности графем свидетельствуют, что в языке исследуемого памятника действует гармония гласных (нёбная и губная). Наиболее регулярная губная гармония проявляется в Карагайской рукописи и списке №99 (б) (Р.Х. Рахимова): اوتوب باروب *ütüb barub* «проходя»; قويوب *qujub* «поставив». В списках Реджеба Аллакуловаи Кашшафа Абу-Саидова губная гармония проявляется слабее: بويونده ~ بويوندا *bujynda* «вдоль». Наиболее сильная делабиализация наблюдается в списке №99 (а) (Р.Х. Рахимова): قيب *qylyb* «сделав»; بولب *bulyb* «став». Арабские и персидские заимствования закону небной гармонии не подчиняются.

Анализ согласных фонем показал следующие результаты:

1. Графема پ встречается преимущественно в ономастиконе списка Кашшафа Абу-Саидова и графически колеблется с ب (би) в других спи-

сках: *Suprada* «в Супре» ~ صو پر ادا ~ صوبراده; *šejx Peri* «шейх Пери» ~ شیخ بری ~ شيخ بري

2. Звуки [č] и [c] в основном передаются графемой *ج* (джим). В списке Кашшафа Абу-Саидова и списке №99 (б) (Р.Х. Рахимова) в большом количестве зафиксирована передача этих звуков графемой *چ*. В шеджере Реджеба Аллакулова, Карагайской рукописи и списке №99 (а) (Р.Х. Рахимова) обозначение звука [č] графемой *چ* обнаружено только в словах, названиях географической местности: *Savur Juuačda* «в Савругачи», *Läčük küldä* «в Лячюк Куле».

3. При колебании звуков *د* и *ت* наблюдается характерное для восточного диалекта оглушение звонких звуков: *dib* (список №99 (а) (Р.Х. Рахимова) *dib* «сказав» ~ *tib* (Ш. Реджеба Аллакулова, Ш. Кашшафа Абу-Саидова, Ш. из деревни Карагай, список №99 (б) (Р.Х. Рахимова) *tib* «сказав», *dürtençi* (Ш. Кашшафа Абу-Саидова) *dürtençi* «четвертый» ~ *türtençi* (Ш. Реджеба Аллакулова, Ш. из деревни Карагай, список №99 (б) (Р.Х. Рахимова) *türtençi* «четвертый»; в антропонимах списка: *Däülätšah* ~ *Täülätšah* «Тавлетшах».

4. В тюркских словах графема *ط* встречается в словах *atlyu* «конные», *atlanub* «сев верхом», *tuš bulub* «встретившись». Наблюдается чередование *ت* и *ط* между списками: *jortynuŋ* (Ш. Кашшафа Абу-Саидова) ~ *jort* (Ш. Реджеба Аллакулова, Ш. из деревни Карагай) «у дома». Чередование *ت* и *ط* внутри одного списка свойственно только печатной рукописи Реджеба Аллакулова: *jort* ~ *yort* «жилище», *altmyš alty* ~ *altmyš alty* «шестьдесят шесть».

Графические колебания: *ط* ~ *ت* встречаются и в ономастиконе списков *Tärhan* (Ш. Реджеба Аллакулова) ~ *Tarhan* (Ш. из деревни Карагай) «Тархан» *IšenTamaqta* (Ш. Кашшафа Абу-Саидова) ~ *IšenTamaqta* «в Ишин Тамаке».

5. При употреблении *چ* (чим) обнаруживаются региональные особенности языка сибирских татар. В списке Кашшафа Абу-Саидова, отличительно от других исследуемых списков, в некоторых арабских и персидских заимствованиях *ج* заменяется на *چ*: *čänk* (список №99 (б) (Р.Х. Рахимова) ~ *čänk* (Ш. Кашшафа Абу-Саидова) «война», *xiča* (Ш. из деревни Карагай) ~ *xiča* (Ш. Кашшафа Абу-Саидова) «учитель», *möčavir* (Ш. Реджеба Аллакулова, список №99 (б) (Р.Х. Рахимова) ~ *möčavir* (Ш. Кашшафа Абу-Саидова) «смотритель». Подобное колебание присутствует и в антропониме арабского происхождения *hadige*

(Ш. Реджеба Аллакулова) *Hädicä* «Хадиджа» ~ حديچه (Ш. Кашшафа Абу-Саидова) *Hädičä* «Хадича».

6. Графема *ذ* в тюркских по происхождению словах не зафиксирована. Однако в заимствованиях написание *ذ* сохраняется во всех списках: *ذکر ziker* «поминание», *ذات zat* «они сами».

7. В исследуемых шеджере прослеживается колебание *ح* ~ *خ* в словах *مخلص* (Ш. Реджеба Аллакулова) ~ *مخلص* (Ш. из деревни Карагай) *möxlis* «искренний», *احوالين* (Ш. Реджеба Аллакулова) ~ *اخوالين* (Ш. Кашшафа Абу-Саидова) *axwalin* «состояние дел», *خواجه* (Ш. Реджеба Аллакулова) ~ *حواجه* (Ш. из деревни Карагай) *xusa* «господин», в антропониме *ترحان* (Ш. из деревни Карагай) ~ *طرخان* (Ш. Реджеба Аллакулова, Ш. Кашшафа Абу-Саидова) *Tarxan* «Тархан», в топониме *حطای* (Ш. Кашшафа Абу-Саидова, Ш. из деревни Карагай) ~ *خطای* (Ш. Реджеба Аллакулова) *Xytaj* «Китай». Такие колебания можно объяснить отождествлением графем *ح* и *خ* в тюркских памятниках.

8. В середине и конце слова зафиксировано сохранение графемы [γ]: *ياتغان jatqan* «лежащие», *شونداغ šunday* «следующее». Применение [γ] можно объяснить стремлением переписчика и издателя текста сохранить в списках древнетюркскую традицию.

9. Заднеязычный [g] в списках всегда передается графемой *ك*: *كرجه*: *gärčä* «хотя»; *اوكراتورلار ایردیلر ügrätürlär irdilär* «обучали», *برگه bergä* «вместе».

10. Графема *ن* в начале слова имеет место только в заимствованиях: *نقل näqyl* «рассказ», *نماز namaz* «молитва».

11. Во всех списках есть примеры передачи звука [w] с помощью специальной графемы *ؤ*: *اولنده avlynda* «в деревне», топониме *صو پرادا Suvprada* «в Сувпре», *قاش اویلدہ Qaş avylda* «в деревне Каш». При этом наблюдается колебание *ؤ* с графемой *و*: *مجاور* (Ш. Реджеба Аллакулова, список №99 (б) (Р.Х. Рахимова) ~ *مچاؤیر* (Ш. Кашшафа Абу-Саидова) *möčavir* «смотритель». Однако во всех списках зафиксирован общий случай, в котором употреблена рассматриваемая графема: *قوؤرچاقغه quvyrčaqqa* «кукле».

Фонологическая интерпретация графических особенностей списков шеджере позволяет предполагать, что в языке памятника употребляется 26 согласных звуков, переданных арабскими и персидскими буквами: [b], [p] – ب; [p] – پ, پ; [t] – ت, ط; [č] , [c] – ج; [č] – چ; [x] – خ, ح; [d] – د; [z] – ذ, ز; [r] – ر; [s] – س, ث, ص; [š] – ش; [γ] – ع, غ; [q] – ق; [k] – ك;

[g] – گ , ك ; [l] – ل ; [m] – م ; [n] – ن ; [ŋ] – نك ; [f] – ف ; [w] – و ; [v] – و ; [j] – ي ; [h] – ه .

По результатам исследования можно предположить, что для языка шеджере сибирских татар больше характерны традиционные черты уйгурской (бухарской), а также арабско-персидской (стамбульской) орфографических школ.

Черты уйгурской (бухарской) традиции письма проявляются в передаче заднеязычного носового [ŋ] диграфом نك : آنكا *aŋa* «ему»; فرمانونكز *färmanuŋuz* «ваше повеление»; передаче щелевого [č] глухого [p] через ج и ب : قاجوب *qačub* «сбежав»; كلوب *kilüb* «придя», ايچنده *ičendä* «внутри»; отделении суффикса от корня: توتмыш لار *totmyšlar* «держали»; آب جرس نك *Ab Cärüsneŋ* «Аб Джирса»; написании глухого [q] в интервокальной позиции: اياقنده *ajaqunda* «у ног».

Особенности арабско-персидской (стамбульской) орфографической школы видны в употреблении твердых ص [s] и ط [t] в словах с гласными заднего ряда: يورطننك *jortynuŋ* «у дома», سوقوش *suquš* «война»; в слитном написании аффиксов с корнями: قالمدى *qalmady* «не осталось», لقبنده *läqabendä* «на языке».

По признаку анлаутного d / t язык родословных относится к смешанной [t] ~ [d] группе тюркских языков. Об этом свидетельствует употребление глагола تیدی *tedi* «сказал» с вариантами تیدی ~ دیدی и производных от него с анлаутным [t] ~ [d].

Третья глава диссертации раскрывает морфологические особенности «катановских» шеджере. Сравнительному анализу подвергаются все знаменательные части речи: существительное, местоимение, прилагательное, числительное, глагол и наречие.

1. Имя существительное охарактеризовано через грамматические категории принадлежности, падежа, числа, сказуемости, которые выражаются грамматическими категориями, свойственными для тюрко-татарских письменных памятников XVIII–XIX вв.

Выражение принадлежности осуществляется морфологическим, синтаксическим и морфолого-синтаксическим способом, что соответствует нормам современного татарского литературного языка: *Färmanuŋuz bašyuz üzrä...* «Ваше приказание (да будет) на наших головах (будет исполнено)»; *Bezneŋ jirgä icazätdür, anlarny islamya däywät qylyŋ* «На нашей земле разрешено призвать таким образом их к исламу»; *...šäjex Nazarnuŋ enese šäjex Šäräfti yazizlär bu jirdä din ügrätkäle qalyanlarnuŋ*

beri irdi «...младший брат шейха Назара шейх Шерефти был одним из тех, кто остался здесь обучать религии».

Падежная система исследуемых родословных состоит из шести падежей. Основной падеж не имеет грамматических показателей. Притяжательный падеж в именной и посессивно-именной парадигме имеет форманты кипчакского типа *-nyŋ / -neŋ*: *Oşbu näqlneŋ kätibe Säyid Wäqqas ibn-e Răcăb Mămăt Allakollov* «Писец этого предания Саад Вакас Реджеб Мемет Аллакулов». Направительный падеж в именной парадигме оформляется аффиксами *-ya; -qa / -kä*: *...utuz tuquz astanä-i şăcărälärni Boxara-i şărifkă jibărdilăr* «...списки тридцати девяти мавзолеев с указанием их местонахождения отправили в священную Бухару». Во всех родословных посессивно-именная парадигма 3-го лица имеет два варианта *-yna; -yua*, без преобладания одного из них: *Qalmaq jortyna kirüb... unsigez astana zahir äjlădi* «Он посетил калмыцкие кочевья... и открыл восемнадцать мавзолеев». Винительный падеж имеет форманты *-ny / -ni*, а в посессивно-именной парадигме III лица *-yn / -in*: *Bixăd kăferlărni qyrdylar wă tatarlărny qyrub hălaq qyldylar* «Язычников и татар они истребили великое множество»; *...şăcărälărin Boxara-i şărifkă jibărdilăr* «...их родословные отправили в священную Бухару». Именная парадигма исходного падежа в шеджере оформляется с помощью формантов *-din* и *-dan / -dän*. В списках Реджеба Аллакулова и рукописном списке №99 (а) (Р.Х. Рахимова) широко используется аффикс *-din*, а в списках Кашшафа Абу-Саидова, Карагайской рукописи, и рукописном списке №99 (б) (Р.Х. Рахимова), наоборот, большее количество имен принимают традиционный для татарского языка аффикс *-dan / -dän*. Посессивно-именная парадигма 3-го лица оформляется только с интерфиксом *-n*: *...mōşăjexlăr măşriq wă măyrib tarafyndan anyŋ şămŷenă cămy bulub, mōrid mōxlis bulmyş irdilăr* «...из всякого рода городов восточных и западных стран света стали после его чудес и бесед искренними его последователями»; *...Soltan Bajazid äülădlărendin irdilăr* «...был из детей Султана Баязида». Местно-временной падеж в именной парадигме представлен аффиксами *-da / -dă*: *Ămma üzlărendän öç jüz äüljă mōşăjexlăr kemilări qyrda, kemilări syvda, kemilări sasda jyqylub şăhid buldylar* «Но из них самих триста конных шаихов, некоторые в водах, некоторые на полях, некоторые в болотах пали, стали шахидами». В посессивно-именной парадигме III лица вставочное *-n* сохраняется во всех списках: *Wagaj ičendă Qasyjm şăjex yazizlăr* «Внутри Вагая – Касим-шейх, из святых».

Как показал материал изучения падежного склонения, в списках шеджере господствует кипчако-уйгурский тип склонения. Различия падежного склонения прослеживаются в исходном падеже: в одном случае используется аффикс **-din**, а в другом имена принимают соответствующий литературным нормам аффикс **-dan / -dän**.

2. Имя прилагательное в списках шеджере представлено в небольшом количестве, что объясняется документальным характером родословных записей. Прилагательные рассматриваются по следующим разрядам: характеризующие внешние качества и форму, передающие физическое состояние, обозначающие пространственный признак: *jaqun* «близкий»; *mäxfi* «скрытый», *xawah* «непроходимый». В большинстве случаев прилагательные имеют арабское и персидское происхождение. Из словообразовательных союзов наиболее активны аффиксы **-lyy**, **-yy**, образующие прилагательные от имени существительного: *atlyy* «конный»; *juqarydayy* «вышеупомянутый».

3. Местоимения в исследуемых текстах представлены следующими разрядами: личные, указательные, вопросительные, отрицательные и определительные, имеющиеся и в современном татарском языке: *siz*, *sizlär* «вы»; *ošbu* «вот этот»; *qačan* «когда». Во всех списках сохранены архаичные элементы: указательные местоимения **ošbu** «вот этот»; вопросительные местоимения **kemi** «кто», **qaju** «который, какой».

4. Имя числительное. Все количественные числительные общетюркские, соответствующие литературным нормам татарского языка. В одном случае зафиксировано употребление порядкового числительного арабского происхождения **äwwäl** «первый».

5. Наречие в шеджере являются корневыми и производными и передают значения образа действия, количества, времени и способа действия путем присоединения аффикса **-čä**: *berkä* «вместе»; *artyq* «больше»; *axyrynda* «впоследствии»; *tacik telünčä* «по-таджикски». Наибольшее количество наречий являются корневыми заимствованиями, тюркские эквиваленты которых в языке шеджере не встречаются. Производные наречия образованы, как и в современном татарском языке, при помощи местно-временного падежа **-da**: *axyrynda* «впоследствии»; путем присоединения аффикса **-čä**: *telünčä* «по-таджикски».

6. Глагол. Изъявительное наклонение в языке родословных реализуется в спрягаемых формах времени. Система времен изъявительного наклонения состоит из настоящего и прошедшего времен. Будущее время не зафиксировано.

Настоящее время представлено формами на **-ar / -ur** и **-jür**: ...*anyñ öçün bāyze jirlärdä xatundin, qyzdin wä jäš uylandin astanälär bulur* «...вот почему в тех местах над женщинами, девушками, мальчиками находятся мавзолеи»; ...*tacik telünčä Ab Cirs dirlär*... «...по-таджикски называют Аби-Джарусь...». Вопросительная форма в настоящем времени на **-mu** и отрицательная форма на **-ma** не присутствует.

Прошедшее время в исследуемых текстах зафиксировано в следующих формах: **-dy / -di**, **-myš / -meš**, **-yan**: *Tuqyz astanälärne monda jad qylmağanlar* «О девяти мавзолеях здесь не говорится»; ...*Tubulnyñ axunlaryña jibärmeš* «...прислал к тобольским ахунам»; аналитическими: **-yb irde**, **-r irde**; **-myš irde**: *Ber xässä Boxaranyñ wiläjäte wä qarijälärendä xalaiqya yilem ügrätürlär irdilär* «Другая часть в районе Бухары и по селениям ее обучала людей науке». Наиболее часто встречается форма на **-dy / -di**: ...*Urta Jöz xalaiqynyñ ečinä barub Šiban-Wäli xan atandy* «...отправился к народу Средней Орды и стал именоваться Валиханом».

Желательное наклонение представлено в III лице в отрицательной форме **-mağaj**, которая чаще всего употребляется в говорах среднего и мишарского диалектов: ...*zat wä näselläri märsül bulub qalmağaj tib* «...для того, чтобы (шейхи) не разгневались на них и чтобы не были осрамлены ни они, ни их потомства».

Показатели повелительного наклонения зафиксированы с аффиксами **-sunlar** в 3 л. мн. ч., выражающем пожелание вызвать действие другого субъекта: ...*yañil bulmaj saqlansunlar* «...просим, чтобы святые могилы оберегались неукоснительно» и **-yñ** во 2 л. мн. ч. в значении категорического приказания: ...*anlarnyñ islamğa däywät qylyñ* «...призовите их к исламу».

Условное наклонение представлено общетюркской формой на **-sa**, которая в большинстве случаев употребляется в качестве сказуемого придаточного предложения и широко применяется в татарском литературном языке: ...*qabul qylmasalar, yazai äkbär qylyñ* «...если они вашего приглашения не примут, то учините с ними великую войну за веру». Кроме того, значение условия выражается аналитической формой **-dy irsä**, передающей временное значение: ...*išarät galijäläri buldy irsä, ...Šajban xanğa kilep mihman buldylar* «...как только последовало высокое указание, ...пришли к хану Шейбани и стали у него гостями».

Неличные формы глагола представлены причастием, деепричастием, инфинитивом. Причастие оформляется прошедшим временем на **-yan / -**

gän и **-myš / -meš**. Форма причастия на **-yan / -gän** является наиболее частой, тогда как форма на **-myš** не имеет широкого применения. Зафиксированы единичные случаи с данным видом: ...*zahir qylmyš astanäläreyä möherlär basub wä qullarun qujub jibärmešlär* «...приложив печати у мавзолеев, открытых всеми троими, и приложив руки, прислали».

Деепричастие. В языке исследуемых текстов используются следующие формы деепричастий: **-ü, -yb / -ub / -ib**. Деепричастие на **-ü** в значении цели действия зафиксировано в единичном примере ...*γazai äkbär tijü, oluy cäneglär qyldylar* «...в целях большой войны, учинил там великое сражение за веру»; в остальных случаях используются формы **-yb / -ub / -ib** со значением, предшествующим основному действию или одновременному с ним: ...*arasynda bergä bulub, anlar säken bulub qaldylar* «...остановились и стали жить с ними».

Инфинитив. Встречается с общетюркской формой на **-mak**, а также с диалектным формантом языка сибирских татар **-käle**: *Şäjex Şäräfti yazızlär bu jirdä din ügrätkäle qalyanlarnyñ beri irdi* «Один из оставшихся здесь для обучения вере был шейх Шерефти».

Служебные части речи представлены в списках шеджере послелогоми, послеложными словами, союзами, частицами и модальными словами. В большинстве своем все они имеют тюркское происхождение, за исключением союзов, многие из которых заимствованы из арабского и персидского языков. Служебные части имеют архаичные единицы, не употребляемые в современном татарском языке, однако соответствующие языковым нормам XVIII–XIX вв. Это послелог **berlä** «с, вместе, посредством, по», отглагольная частица **irsä** «лишь только, как только, же», заимствованные из персидского языка предлог **ta** «до», из арабского языка сочинительный союз **wä**.

По итогам исследования морфологии «катановских» родословных можно предположить, что для шеджере характерны следующие кипчакские языковые черты: 1) в падежном склонении притяжательный падеж в именной и посессивно-именной парадигме имеет форманты кипчакского типа **-nyñ / -neñ**; 2) в исходном падеже прослеживаются использование как традиционного для татарского языка кипчакского аффикса **-dan / -dän**, так и уйгурского аффикса **-din**; 3) в прошедшем времени изъявительного наклонения наиболее часто встречается общетюркская форма прошедшего времени на **-dy / -di**, а причастие в большинстве

случаев оформляется формой прошедшего времени на **-yan / -gän**, заменяемой в современном татарском языке.

В четвертой главе анализируются лексические пласты языка шеджере сибирских татар, в частности, исследуется антропонимия, тюрко-татарская и заимствованная лексика, слова, обозначающие историко-географические названия вне пределов Западной Сибири.

1. Антропонимы шеджере в большинстве своем относятся к арабско-персидским именам с малым количеством имен тюркско-татарского происхождения, что стало характерно для именованника всех групп татар XIX – начала XX столетия: 1) Теофорные имена, имеющие в качестве первого компонента элемент **عبد** «абд-абде-абдел» (ар. «раб») + имена и эпитеты Аллаха: **عبد العزيز** «Абделазис», **عبد المناف** «Абделменнаф». 2) Тектонимные имена или куньи – арабские имена, которые начинаются со слов **ابو** «abu» (для мужчин) и **أمي** «умми» (для женщин) и заканчивается именем сына или дочери. В шеджере представлены только мужские тектонимные имена: **ابو يوسف** «Абу-Йусуф» – отец Йусуфа, **ابو الحسن** «Абуль-Хасан» – отец Хасана. 3) Односоставные имена (простые): **بهرام** «Бахрам», **بری** «Биррий», **قاسم** «Касим». 4) Сложносоставные имена, образованные по модели «имя + имя». Вторым именем в этой группе антропонимических единиц особо выделяется компонент **علي** «Али»: **أحمد علي** «Ахмед-Али», **تورسون علي** «Турсун-Али», **عمر علي** «Умар-Али», **كفتش علي** «Кефеш-Али». 5) Лакабные имена, имеющие в качестве дополнения тюркские компоненты, обозначающие социальную принадлежность и титул носителя имени: **آتا** «ата» – духовный учитель, **بابا** «баба» – степень духовного развития, бродячий проповедник ислама: **بختی آتا** «Бахти-ата», **بیكاج آتا** «Бикач-ата», **سید آت** «Сеид-ата»; **زنکی بابا** «Зенги-баба». 6) Имена – мифологемы, образованные от имен библейских пророков, которые упоминаются в Коране и к которым ислам относится с особым почтением: **داود** «Дауд», **سليمان** «Сулейман», **يوسف** «Йусуф», **موسی** «Муса». 7) Имена, отражающие социальное положение людей: **حكيم** «Хаким» – ар. сущ. «судья»; **خواجه** «Ходжа» с перс. «старик», господин»; **سید** «Сеид» – ар. сущ. «государь».

В шеджере имеются женские антропонимы, которые снабжены персидским возвеличивающим эпитетом **بی بی** «биби»: **عفیفة بی بی** «Афифа биби», **عقل بی بی** «Акыл биби», **صالحه بی بی** «Салиха биби». Также в шеджере обнаружено распространенное среди татар женское имя **حديجه** «Хадиджа».

2. Рассмотрение лексики тюрко-татарского происхождения позволило заключить, что в шеджере встречается: 1) диалектная лексика: *şal*

«сумасшедший»; *quvurcaq* «кукла»; *uba* «возвышенное место», в списках встречается как составная часть топонима *Uba Baqtary* «Уба Бактары»; 2) тюрко-татарские титулы и социально-исторические термины: *آتا ata* «отец», *بابا baba* «баба», *خان xan* «хан, правитель»; 3) этнические названия татарского народа: татар, ногай, кара-кипчак; общетюркский этноним «тюрк»; имена соседствовавших с татарами народов: иштяк, хотан, калмык.

3. Заимствованная лексика в основном выражена арабскими и персидскими словами, которые можно разделить на следующие группы: 1) титулы и социальные термины: *امام imam* «имам», *امير المؤمنين ämirel-tö'minin* «повелитель правоверных», *ايشان išan* «ишан», *شيخ šeyx* «шейх», *قاضى qazyj* «судья»; 2) термины и обозначения религиозного характера: *ايمان iman* «вера», *دعا doya* «молитва», *دعوت däywät* «призыв», *دين din* «религия»; 3) термины и обозначения тасауфа: *آستانه astanä* «астана», *ايشارة išarät*, *انابت inabät* «доверие», *ذكر خفى zikr-i xafi* «скрытое поминание», *كرامت käramät* «чудо».

4. Слова историко-географического характера вне пределов Западной Сибири показали, что в большинстве своем они связаны со Средней Азией, Ираном, Афганистаном и Турцией: *Boxara* «Бухара», *Järkänd* «Яркенд», *Qandahar* «Кандагар», *Kirmän* «Керман», *Xäwärazem* «Хорезм», *Aqxisar* «Ак-Гисар», *Törkestan* «Туркестан», *Sajram* «Сайрам».

В **заключении** обобщаются результаты исследования, подводятся наиболее значимые итоги работы.

1. Исторический материал, представленный в родословных сибирских татар, позволяет утверждать, что исламизация Западной Сибири проходила в несколько этапов. Первый этап характеризуется локальным характером, когда в регионе примерно в начале X – XIII столетий появляются торговые фактории поволжских и среднеазиатских купцов с мусульманским населением. Второй этап исламизации проходил во время золотоордынского периода, в годы правления хана Узбека (1312–1342) и в конце XIV – начале XVI столетий, когда Западная Сибирь становится ареной религиозных войн среднеазиатских мусульман с местным населением. Третий этап связан с именем хана Кучума, правителя Сибирского ханства, который внес наиболее сильный вклад в распространение ислама среди сибирских татар, пригласив во второй половине XVI столетия мирные делегации мусульманских проповедников из Бухары и Казани.

После ликвидации Сибирского ханства в конце XVI столетия вплоть до XIX в. проводниками ислама среди сибирских татар выступали сред-

неазиатские бухарцы и татарское мусульманское население Поволжья. Ближе к XIX столетию роль поволжских мусульман в донесении исламских ценностей заметно возрастает. В этот период происходит формирование татарского народа и его литературного языка, на классическом варианте которого написаны «катановские» шеджере.

В годы XX столетия ислам и другие мировые религии стали объектом гонения советского правительства. Однако, несмотря на закрытие многих мечетей и медресе, религиозная жизнь сибирских татар не прекращалась. Оживление ислама в Западной Сибири стало возможным только после распада СССР в начале 90-х годов. На этом фоне шеджере сибирских татар (по списку Н.Ф. Катанова) и другие схожие родословные на протяжении веков были и продолжают оставаться до сегодняшнего дня духовным источником, символом сохранения многовековых традиций местных мусульман Западной Сибири.

2. Результаты фонетического исследования позволяют предположить, что для шеджере сибирских татар свойственны традиционные черты уйгурской (бухарской) и арабско-персидской (стамбульской) орфографических школ. Черты уйгурской (бухарской) традиции письма проявляются в передаче заднеязычного носового [ŋ] диграфом *انكا : نك* *aŋa* «ему»; передаче щелевого [č] глухого [p] через *ج* и *ب* : *قاجوب* *qačub* «сбежав»; отделении суффикса от корня: *توتмыш لار* *totmyšlar* «держали»; написании глухого [q] в интервокальной позиции: *آياقنده* *ajaqynda* «у ног». Особенности арабско-персидской (стамбульской) орфографической школы видны в употреблении твердых *ص* [s] и *ط* [t] в словах с гласными заднего ряда: *يورطننك* *jortynny* «у дома», *صوقوش* *suquš* «война», в слитном написании аффиксов с корнями: *قالمدى* *qalmady* «не осталось», *لقبندە* *läqabendä* «на языке».

3. По итогам исследования морфологии «катановских» родословных можно сделать вывод, что для них характерны, в основном, кипчакские языковые черты, положенные в основу современного татарского литературного языка. Это обнаруживается во всех падежах, кроме исходного, где используется как традиционный для татарского языка кипчакский аффикс **-dan / -dän**, так и уйгурский аффикс **-din**, в изъявительном, повелительном и условном наклонениях, кроме некоторых случаев с употреблением огузского аффикса **-myš** и в неличных формах глагола.

4. Исследование лексики языка шеджере сибирских татар позволило установить, что антропонимы шеджере, а также заимствованные слова имеют арабское и персидское происхождение, тюркский пласт лексики

представлен местным ономастиком, слова историко-географического характера вне пределов Западной Сибири имеют связь со Средней Азией, Ираном, Афганистаном и Турцией.

5. Фонетический, морфологический и лексический анализ «катановских» родословных дает нам возможность утверждать, что шеджере написаны на классическом литературном языке XVIII–XIX столетий, являющемся одним из вариантов старотатарского языка, с употреблением традиционных общетюркских форм и арабо-персидских заимствований. Его можно назвать уйгуро-кипчакским языком, так как в графо-фонетике списков преобладают уйгурские особенности письма, а в морфологии – кипчакские языковые элементы. Отражение некоторых фонетических, морфологических и лексических отклонений от литературной нормы в орфографии, грамматике и языке родословных списков следует объяснять влиянием сибирско-татарского диалекта.

В **приложении** приводится фотокопия печатной рукописи Кашшафа Абу-Саидова, опубликованная Н.Ф. Катановым в 1904 г., сводный текст исследуемых шеджере на основе списка Реджеба Аллакулова, таблица сходств и различий между рассматриваемыми 5 вариантами родословных.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Бахтиев Р.Ф. Графо-фонетические особенности ономастикона родословных сибирских татар (по списку Н.Ф. Катанова) / Р.Ф. Бахтиев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2013. – № 9 (27). – С. 19–21.

2. Бахтиев Р.Ф. Морфологические особенности шеджере сибирских татар (по списку Н.Ф. Катанова) / Р.Ф. Бахтиев // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – Саратов, 2013. – №3. – С. 48–54.

Публикации в других научных изданиях:

3. Бахтиев Р.Ф. Себер татарларында ислам дине таралашы / Р.Ф. Бахтиев // «Сулеймановские чтения»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. – С. 178–179.

4. Бахтиев Р.Ф. Себер татарлары тарихы белән бәйлә «Шәехләренң гарби Себердә дини жәсарәтләре» чыганагының тел үзенчәлекләре / Р.Ф. Бахтиев // Студент һәм аспирантларның Казан дәүләт ун-ты атказанган профессоры В. Хаков истәлегенә багышланган региональ фәнни-гамәли конф-се материаллары. – Казан: Ихлас, 2010. – 27–29 б.

5. Бахтиев Р.Ф. Распространение ислама волжскими булгарами среди народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири / Р.Ф. Бахтиев // Студент һәм аспирантларның Казан дәүләт ун-ты атказанган профессоры В. Хаков истәлегенә багышланган төбәкара фәнни-гамәли конф-се материаллары. – Казан: Ихлас, 2011. – 90–91 б.

6. Бахтиев Р.Ф. Религиозное влияние Волжской Булгарии на народы Приуралья и Западной Сибири в X–XIII вв. / Р.Ф. Бахтиев // Студенты и аспиранты Института филологии и искусств в научном поиске. Выпуск 2: Сборник статей. – Казань: Изд-во КФУ, 2012. – С. 30–33.

7. Бахтиев Р.Ф. Контакты волжских булгар с народами среднего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири в X–XIII столетиях / Р.Ф. Бахтиев // Студент һәм аспирантларның Казан дәүләт ун-ты атказанган профессоры В. Хаков истәлегенә багышланган «Туган телләре һәм әдәбиятларны сакалау һәм үстерү» халыкара фәнни-гамәли форумы кысаларында уздырылган конф-се материаллары. – Казан: Ихлас, 2012. – 10–11 бб.

8. Бахтиев Р.Ф., Юсупов Ф.Ю. Шеджере сибирских татар опубликованные Н.Ф.Катановым под общим названием «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной сибирии» как источник по истории исламизации сибирских татар / Р.Ф. Бахтиев, Ф.Ю. Юсупов // Международная научно-практическая студенческая конференция, посвященная памяти профессоров Казанского университета А.М. Насырова и В.В. Клокова «Актуальные проблемы физико-математических и гуманитарных наук». – Зеленодольск, 2012. – С. 55–59.

9. Бахтиев Р.Ф. Волжские булгары как проводники ислама среди народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири / Р.Ф. Бахтиев // В.В. Радлов и духовная культура тюркских народов. Сборник трудов международной Интернет-конференции. Казань, 21 Марта 2012 г. – Казань: Изд-во «Альянс», 2012. – С. 30–32.

10. Бахтиев Р.Ф. Мусульманское влияние Волжской Булгарии на народы Приуралья Западной Сибири в X–XIII вв. / Р.Ф. Бахтиев // IX Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Тобольск научный – 2012». – Тобольск, 2012. – С. 253–255.

Подписано в печать 18.11.2013 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 120 экз. Усл. печ. л. 1,5

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09